

Игрища

*Уж вы, девушки, играйте до утра,
Уж вы, девушки, играйте до утра.
Раскрасавицы, повеселитесь,
Раскрасавицы, повеселитесь.
А все стары старухи - не бранитесь,
А все стары старухи - не бранитесь.*

Словом «игрища» назывались развлечения молодежи во время Святков. Игрища начинались на следующий день после Рождества и продолжались поочередно во всех окрестных деревнях вплоть до Крещенского сочельника. Игрища носили ярко выраженный праздничный характер: в это время отменялась любая работа. Девушки убрали свои прялки, с которыми ходили на осенние посиделки, и надевали самые лучшие наряды.

Для игрищ, как и для посиделок, снимали избу, в которой собирались каждый день. Вот как, по словам очевидца, проходили игрища в 1860-е годы в одном из сел Кадниковского уезда Вологодской губернии: «...настает давно желанный вечер, веселый вечер игрищ... Без всякого указания сразу можно было найти дом, где было игрище. Изба была освещена более других, и сквозь тусклые стекла ее окон больше падало света на серую дорогу. Из нее по всему селу разносился шум, гам, звуки песен, стуки пляски. Народ кучками толпился возле дома, шумел, смеялся, входил в избу и выходил из нее».

Характерной чертой игрищ, отличавшей их от весенне-летних гуляний и осенних посиделок, было безудержное веселье, фривольность, раскованное поведение присутствующих, доходившее порой до непристойностей. То, что было под запретом в течение всего года, разрешалось традицией во время игрищ.

Святочные развлечения были насыщены эротикой, сексуальной символикой, а также соответствующей жестикуляцией и нецензурной лексикой, что в обычное время категорически запрещалось нравственным кодексом.

Одним из любимых развлечений молодежи во время святочных вечеров были поцелуйные игры: в «монаха», «вдовца», «соседа», «почту», «номера», «бутылочку», «фанты», «столбушку». Все эти игры основывались на выборе партнера, который сопровождался поцелуями. Например, вначале игры в «столбушку» парень становился у печного столба и пел: «Я горю, горю, горю на калиновом мосту. Кто меня полюбит, тот и выкупит». Из толпы выходила девушка, целовала

парня, вставала на его место и просила прислать ей другого парня, который в свою очередь целовал ее, становился на ее место и просил прислать ему другую девушку и т. д. Игра могла продолжаться час и более, до тех пор, пока все не перецелуются друг с другом «настоящими поцелуями». При этом девушке полагалось выражать смущение, нежелание целоваться, но она не могла оттолкнуть парня или выразить ему непочтение. Парень же, наоборот, должен был проявлять активность, демонстрировать удовольствие. Если девушка все-таки отказывала парню в поцелуе, то несла за это наказание, например должна была проползти на четвереньках из одного конца избы в другой или получить сильный шлепок по заду, что считалось очень постыдным.

На святочных сборищах всегда играли в «свадьбу» (в «женитьбу»). Эта игра была известна в различных вариантах во всех русских деревнях. В Костромской губернии, например, «свадьбу» проводили так. Девушки садились на лавку, парни стояли поодаль от них. Две девушки-«свахи» ходили между ними и вели такой разговор. «Сваха» со стороны «невесты» обращалась к «свахе» со стороны «жениха»: «Уж ты сваха ли, сваха, покажи-ка женишка: из чего ты, женишок, – шелковый кушачок, и со кисточкам, алым ленточкам». Та указывала на одного из парней: «У твоего сына двое сани, двое новы: шелком крыты, золотом расшиты. Выбирай, жених, невесту по мысли себе и по нравности, по муравности». Потом кланялась ему и предлагала подойти к девушкам. Он выбирал себе «невесту», девушка вставала, брала парня за руку и целовала его. «Сваха» от радости, что женила сына, плясала и пела: «Уж я сына-то женила, сноху привела... Вы живите, не тужите; поздоровайтесь девяносто один раз, не забудьте старых нас». Иногда игра в «свадьбу» продолжалась долго, в ней участвовали не только «свахи», но и «свекор», «свекровь», «теща», «тесть», «дружка» и рассказывали в песнях о будущей жизни молодоженов. Такие поцелуйные игры давали возможность молодым людям прилюдно выразить свои любовные предпочтения.

Кульминацией праздничного веселья был приход ряженных, которые, по выражению крестьян, начинали «выводить кудеса». Они появлялись с шумом, гамом, свистом и криком.

Вот как это происходило, например, в Вологодской губернии: «...в битком набитую избу ввалились ряженные. Здесь есть и седой как лунь старик с клоком кудели вместо бороды, с батогом в руках; цыган с неизменной принадлежностью своего промысла – кнутом; цыганка с ребенком-чучелом в руках; нищие... Вся эта толпа кричит, смеется, пляшет. Вот седой старик начинает свои повествования. Цыган заводит речь о лошадях. Цыганка начинает гадать судьбу девушек. Нищие просят милостыню». Ряженные разыгрывали перед участниками игрищ небольшие сценки, рассчитанные на комический эффект. Например, показывали сценку, в которой плясала «лошадь» – два парня, накрытые пологом или попоной. Один из них держал на палке «морду лошади» – набитый соломой мешок или кадку, другой держал «хвост» – мочало, связанные друг с другом веники или вымолоченный сноп. «Лошадь» плясала вприсядку, выпрашивала корм, обнюхивала девушек, выбрасывала негодным зрителям под ноги конский помет. Иногда «лошадь» сопровождал «цыган», который вступал с кем-нибудь из присутствующих в шуточный торг, стараясь обменять «лошадь», а если получал согласие, то «лошадь» лягалась, ржала, ругалась басом, убегала, падала замертво и т. п.

Очень распространены были сценки с «медведем» (парнем или мужиком в тулупе, вывороченном мехом наружу), который появлялся в избе вместе с «поводырем». «Медведя» тащили на длинной веревке, он рычал, падал, вскакивал, набрасывался на девушек, задирали им подола или старался измазать сажей. «Поводырь» требовал от «медведя» показать его умение плясать, рычать, обнимать девушек. В конце концов наступала очередь коронной просьбы: «Мишенька, постой, постой, покажи-ка ... товстой. Если не покажешь, дак по уху получишь». «Медведь» вытаскивал из-под тулупа скалку и набрасывался на визжавших девушек, стараясь засунуть скалку одной из них под сарафан.

Вообще парни, ряженные цыганами, медведями, чертями, журавлями, вели себя нарочито развязно по отношению к девушкам. Они их щипали, били прутьями, мазали им лица сажей, задирали подола, потчевали «гостинцами» – льдом или замерзшим лошадиным пометом, заставляли их целовать страшные маски-хари. Сценки, которые разыгрывали ряженные, были направлены на то, чтобы сконфузить девушек. Например, в игре «сапоги шить» один из парней наряжался сапожником, садился на скамейку и делал вид, что шьет сапоги. Другой парень подтаскивал к нему девушку. Сапожник брал ее за ногу – «мерку снимал», а затем поднимал руку все выше и выше, на что девушка отвечала криками и бранью. В игре «ситец мерить» парень изображал торговца, вывешивая между ног длинную морковку, и, то опуская, то поднимая ее, кричал, обращаясь к той или иной девушке: «Ну, чего тебе – атласу, канифасу, мужичьего припасу?»

В Торопецком уезде Псковской губернии играли в «умруна»: в избу, где шла святочная вечерка, вносили «покойника». Это был парень с лицом, обмазанным мелом, с длинными торчащими зубами, сделанными из брюквы; между ног у него была закреплена скалка. «Покойника» укладывали на пол или лавку, прикрывая до

шеи белым холстом. К нему подходили два парня в женских нарядах и начинали «причитания»:

Дорогие мои подруженьки,
Возьмите меня под рученьки,
Подведите меня к елочке,
Накопайте живой смолочки.
Залепите тую дырочку,
Куда лазили с дубиночкой.

«Покойник» в это время поднимал вверх и опускал вниз скалку, а затем начинал хохотать. Переодетый девкой парень говорил: «Подружка, погляди, он уже дышает!» – а в ответ: «Подружка, погляди, он уже пихает!». После этого «покойник» вскакивал и набрасывался на девушек, смотревших на игру, демонстрируя, как он «пихает».

Девушки включались в такие игры по принуждению ряженных и самих парней, которые даже запирали двери в избу, не давая им возможности убежать в опасный момент игры. Однако, насколько бы это ни было стыдно или неприятно, девушка обязана была пройти через подобные «играния». Тех из них, которые отказывались участвовать, могли наказать, прилюдно оскорбить, запретить посещать посиделки и гулянья.

Широко распространено мнение, что эротические игры в святочные вечерки являются рудиментом архаического ритуала, связанного с испытанием девушек брачного возраста, известным в глубокой древности многим народам мира. Девушка должна была пройти через это испытание, чтобы доказать свою сексуальную зрелость, готовность к браку. Приуроченность эротических игр к Святкам объяснялась приближением мясоеда – времени сватовства и свадеб.

Отношение деревенских жителей к игрищам было двойственным. С одной стороны, игрища воспринимались как нечто естественное, узаконенное традицией. С другой стороны, разнузданное веселье, игнорирующее правила приличия, считалось бесовским наваждением. Верили, что игрищами управляет нечистая сила. Чтобы не попасть под ее воздействие, во многих деревнях игрища заканчивались «крестом»: парни и девушки перед уходом домой становились посередине избы, образуя крест, и под пение переходили с места на место, не нарушая рисунок. После Святков, в день Крещения, молодежь отправлялась вместе со всеми на реку, где проходило водосвятие, чтобы принять очищение от святочной скверны, обливая себя крещенской водой.

Молодежь старалась по возможности скрывать от родителей и односельчан свое поведение на посиделках и игрищах. Хозяевам избы даже платили особые деньги «за молчан», а свое собственное молчание заклинали песней: «Вы не сказывайте дома матерям, что который со которой говорил, что который со которою

сидел». В конце XIX века под давлением Церкви началась борьба с посиделками и игрищами как с рассадниками безнравственности. В циркулярах, спускавшихся в волостные правления, молодежи запрещалось устраивать развлечения в домах одиноких людей, продолжать веселье после двенадцати часов ночи, петь нескромные песни, играть в неприличные игры, пить хмельные напитки и курить табак. Многие из того, что осуждалось в циркулярах, не приветствовалось и самими участниками посиделок и игрищ, однако попытки запретить их за нарушение правил вызвали бурный протест всех членов деревенской общины – и молодых, и старых, – которые видели в этом посягательство на обычай, освященный веками.

Источник:

Шангина И. Игрища / И. Шангина // Шангина И. Русские девушки. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 185-191